DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2026.3.121

Евразийский Союз Ученых. Серия: исторические, политические и социологические науки

Ежемесячный научный журнал

№ 01 (121)/2026 Том 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич
AuthorID: 559173
Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- **Шукшина Людмила Викторовна**
AuthorID: 484309
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Головной вуз: РЭУ им. Г.В. Плеханова, Центр гуманитарной подготовки, Кафедра психологии (Москва), доктор философских наук
- **Оленев Святослав Михайлович**
AuthorID: 400037
Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.
- **Терентий Ливиу Михайлович**
AuthorID: 449829
Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук
- **Шкаренков Павел Петрович**
AuthorID: 482473
Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук
- **Шалагина Елена Владимировна**
AuthorID: 476878
Уральский государственный педагогический университет, кафедра теоретической и прикладной социологии (Екатеринбург), кандидат социологических наук
- **Франц Светлана Викторовна**
AuthorID: 462855
Московская государственная академия хореографии, научно-методический отдел (Москва), кандидат философских наук
- **Франц Валерия Андреевна**
AuthorID: 767545
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (Екатеринбург), кандидат философских наук
- **Глазунов Николай Геннадьевич**
AuthorID: 297931
Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук
- **Романова Илона Евгеньевна**
AuthorID: 422218
Гуманитарный университет, факультет социальной психологии (Екатеринбург), кандидат философских наук

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:
198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая, д. 44, к. 1, литера А
E-mail: info@euroasia-science.ru ;
www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»
Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Shahinyan A.T.
"SHADOWS OF TRANSNATIONAL MIGRATION: A SOCIOLOGICAL EXPOSITION OF THE QUALITY OF LIFE OF THE ELDERLY IN DEPOPULATING COMMUNITIES" 4

Калмыков Н.Н.
ИНСТИТУТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КАК СОЦИАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гордин Р.А.
ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ПЕРЕХОДУ НА БЕЗБУМАЖНЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПАРАМЕТРЫ, ТЕХНИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА И ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ ИТОГИ .. 17

Гордин Р.А.
ПОНЯТИЕ ЦИФРОВОГО ДОКУМЕНТА В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 22

СОЦИОЛОГИЯ

UDC 316.334.52:314.15(479.243)

"SHADOWS OF TRANSNATIONAL MIGRATION: A SOCIOLOGICAL EXPOSITION OF THE QUALITY OF LIFE OF THE ELDERLY IN DEPOPULATING COMMUNITIES"

Shahinyan Andranik T.
Shirak State University named after M. Nalbandyan

УДК 316.334.52:314.15(479.243)

«ТЕНИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПУСТЕЮЩИХ ОБЩИНАХ»

Шагинян Андраник Тигранович
Ширакский государственный университет имени М. Налбандяна

ABSTRACT

This article presents a comprehensive sociological analysis of the quality of life and social exposure of the elderly population in the depopulating communities of the Shirak region within the context of transnational migration. The relevance of the study is driven by the phenomenon of "artificial aging" [2; p. 70] currently occurring in the Republic of Armenia. Unlike the natural demographic transition, this phenomenon is a direct consequence of massive youth outmigration and the erosion of traditional models of intergenerational solidarity.

The scientific novelty of the article lies in the introduction of the "shadows of transnational migration" concept, through which the author analyzes the invisible (socio-psychological) consequences of migration processes rather than the visible (economic) ones. The research utilizes a methodological triangulation model, combining content analysis of strategic documents with in-depth interviews conducted among 50 experts (including sociologists, local government representatives, and social policy-makers).

The research findings reveal a striking social paradox: while economic remittances sent by migrants improve the financial status of households, they are unable to compensate for the "care and communication deficit" [1; p. 28]. The analysis demonstrates that substituting direct interpersonal contact with virtual communication creates an "illusion of presence," which fails to resolve the problems of physical helplessness and existential isolation among the elderly. Expert evaluations confirm that a "social isolation zone" has emerged in the depopulating communities of the Shirak region, where the elderly find themselves in a social vacuum, deprived of their traditional roles in community life.

The article substantiates the imperative for a revision of state social policy. An institutional gap was identified between existing strategies and real needs; the social assistance system remains "blind" to the socio-psychological consequences of migration and is focused exclusively on economic indicators of poverty. As potential solutions, the author proposes the introduction of a "Social Isolation Index" as a new benchmark for providing social support and the development of community-based "delegated care" models. These models would allow for the conversion of migration-derived income into tangible social services, ensuring the possibility of "active aging" in regions facing high migratory pressure.

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена комплексному социологическому анализу качества жизни и социальной экспозиции пожилого населения пустеющих общин Ширакской области в контексте транснациональной миграции. Актуальность исследования обусловлена феноменом «искусственного старения» [2; С. 70] населения в Республике Армения, который, в отличие от естественного демографического перехода, является прямым следствием массового оттока молодежи и распада традиционных моделей межпоколенческой солидарности.

Научная новизна статьи заключается во внедрении концепции «теней транснациональной миграции», с помощью которой автор анализирует не видимые (экономические), а невидимые (социально-психологические) последствия миграционных процессов. В ходе исследования была применена модель методологической триангуляции, сочетающая контент-анализ стратегических документов и глубинное интервью среди 50 экспертов (включая социологов, представителей органов местного самоуправления и разработчиков социальной политики).

Результаты исследования выявляют примечательный социальный парадокс: экономические трансферты, отправляемые мигрантами, хотя и улучшают финансовое положение домохозяйств, не способны компенсировать «дефицит ухода и общения» [1; С. 28]. Анализ показывает, что замена прямого межличностного контакта виртуальной коммуникацией создает «иллюзию присутствия», которая не решает проблем бытовой беспомощности и экзистенциальной изоляции пожилых людей. Экспертные оценки подтверждают, что в пустеющих общинах Ширакской области сформировалась «зона социальной

изоляции», где пожилой человек оказывается в социальном вакууме, лишаясь своих традиционных ролей в жизни общины.

В статье обосновывается императив пересмотра государственной социальной политики. Выявлен институциональный разрыв между действующими стратегиями и реальными потребностями: система социальной поддержки до сих пор остается «слепой» к социально-психологическим последствиям миграции и сосредоточена исключительно на экономических показателях бедности. В качестве путей решения проблемы автор предлагает внедрить «Индекс социальной изоляции» как новый критерий предоставления социальной помощи и сформировать общинные модели «делегированного ухода». Последние позволят конвертировать миграционные доходы в реальные социальные услуги, обеспечивая возможность «активного старения» в регионах с высоким миграционным давлением.

Keywords: transnational migration, artificial aging, social exposure, intergenerational solidarity, Shirak region, quality of life, virtual communication, social isolation.

Ключевые слова: транснациональная миграция, искусственное старение, социальная экспозиция, межпоколенческая солидарность, Ширакская область, качество жизни, виртуальная коммуникация, социальная изоляция.

Introduction

Relevance of the Research: The relevance of this study is necessitated by the demographic structural transformation within the Republic of Armenia, specifically in the Shirak region, where the mass outflow of youth has resulted in the "artificial aging" of the population. Unlike the natural demographic transition, this process bears a forced character, leading to the formation of a "zone of social isolation" [5; pp. 70-71].

The primary focal points of the study's relevance are:

✓ **The Collapse of the Traditional Care System:** The historically prevalent model of "intergenerational solidarity" in the Shirak region—where children served as the guarantors of their parents' social and physical security—is currently being superseded by remote, virtual communication.

✓ **The Phenomenon of Depopulating Communities:** Migration is viewed not merely as individual behavior but as a degradation of communal life, wherein the elderly are left in a social vacuum, deprived of the opportunity to participate in community activities.

✓ **Economic and Social Dissonance:** Although transnational migration ensures material flows (remittances), it fails to address the deteriorating psychological and domestic components of the quality of life for the elderly.

Scientific Urgency: The scientific urgency of this research stems from a gap in sociological discourse; while migration is predominantly analyzed through the lens of the migrant or via economic indicators, the social destiny of "those who remain" [4; p. 45], particularly the elderly, remains marginalized.

Scientific Urgency

The scientific urgency of the study is substantiated by the following points:

✓ **New Terminological Development:** Through the conceptualization of **"Shadows of Transnational Migration,"** this study introduces into scientific discourse an analysis focused not on the visible (economic) impacts, but on the invisible (**psycho-social**) consequences of migration.

✓ **The Necessity of Social Exposure Analysis:** [7; p. 85] Using the Shirak region as a case study, this research provides the opportunity to develop a new methodology for assessing **social vulnerability**, which can be applied to other post-conflict or crisis-prone regions.

✓ **The Imperative for Policy Revision:** The absence of scientifically substantiated data hinders the development of targeted social programs. This research is urgent as it serves as a foundational basis for implementing new models of **"active aging"** and social support within environments characterized by high migratory pressure.

The objective of the research is to analyze, from the perspective of social exposure, the mechanisms of the negative impact of transnational migration and the resulting psycho-social consequences within the context of the life activities and well-being of the elderly in the Shirak region.

Research Objectives

✓ **To analyze the sociological substance of the concept "Shadows of Transnational Migration":** defining the invisible psycho-social consequences of migration and their impact on the social destiny of the "stayees."

✓ **To identify the mechanisms of social isolation and "artificial aging" among the elderly in the Shirak region:** examining the social repercussions of the collapse of the traditional intergenerational solidarity model and its replacement by virtual communication.

✓ **To conduct a content analysis of strategic documents and statistical data related to the topic:** evaluating the alignment of current social policies with the actual needs of depopulating communities in the Shirak region.

✓ **To conduct an expert survey (N=50) among field specialists and community officials:** aiming to assess the opportunities and obstacles for implementing "active aging" models designed to improve the quality of life for the elderly under conditions of high migratory pressure.

Object of the Research

The elderly population of communities undergoing demographic transformation and "artificial aging" due to transnational migration. Specifically, the elderly residents of the Shirak region who have found themselves in a "zone of social isolation" resulting from the outflow of their children or younger family members.

Subject of the Research

The mechanisms of degradation affecting the psycho-social and domestic components of the quality of life among the elderly in the Shirak region. This encompasses the collapse of the traditional model of intergenerational solidarity, the formation of a social vacuum, and the impact of the "invisible shadows" of transnational migration on their social well-being.

Hypothesis 1 (Primary)

As a result of transnational migration, a **"compensatory deficit" of social exposure** [9; p. 101] is formed within the depopulating communities of the Shirak region. Despite the availability of economic resources provided by migrants (remittances), the quality of life for the elderly significantly deteriorates due to the collapse of traditional mechanisms of **"intergenerational solidarity"** and their substitution by virtual communication. This process leads to the psycho-social alienation of the elderly and their subsequent isolation from communal life.

Hypothesis 2 (Specific/Instrumental)

The current models of **"active aging"** and social support in the Shirak region are incongruent with the new reality created under high migratory pressure. This discrepancy arises because existing models are predicated on institutional care or static social services, which fail to account for the unique phenomenon of the **"zone of social isolation"** [6; p. 37] within emptying communities and the psychological inadequacy of virtualized familial bonds.

Research Triangulation

To ensure the substantiation of the research and the validity of the data, a model of **methodological triangulation** is employed, comprising the following components:

✓ **Theoretical Triangulation:** An analysis of the concept of **"shadows of transnational migration"** through the synthesis of theoretical approaches from the sociology of migration and **gerontology**.

✓ **Data Triangulation (Synthesis of Sources):** [5; p. 80] Constructing an empirical profile of the demographic transformation and **"artificial aging"** in the Shirak region by analyzing official statistical data and local communal documentation.

✓ **Methodological Triangulation:** A combination of qualitative and quantitative methods, wherein:

1. **Content Analysis of Documents** allows for the identification of the imperative for policy revision and the gaps within current social programs.
2. **Expert Survey (N=50)** provides an in-depth understanding of the issue from field specialists, uncovering the practical consequences of the collapse of the **intergenerational solidarity** model.

Operationalization of Concepts

1. Shadows of Transnational Migration: This concept is defined as the totality of the invisible (psycho-social) consequences of migration.

- **Indicators:**

✓ **Nature of Communication:** The replacement of face-to-face interaction exclusively with virtual or remote contact.

✓ **Care Deficit:** The absence of physical and domestic support despite the presence of monetary remittances.

✓ **Social Vacuum:** The decline in the degree of elderly participation in communal events and social life.

2. Quality of Life of the Elderly in Depopulating Communities: In this study, quality of life is examined through the lens of **social exposure**.

❖ **Indicators:**

✓ **Social Isolation:** The perceived level of isolation and the duration of residency within the "zone of social isolation."

✓ **Intergenerational Solidarity:** The strength of the parent-child bond and the perceived guarantee of social security.

✓ **Psychological Well-being:** Feelings of abandonment and depressive states resulting from the mass outflow of youth.

3. Artificial Aging: [4; p. 110] The forced transformation of the demographic structure within the Shirak region.

❖ **Indicators:**

✓ **Demographic Dissonance:** The sharp deviation in the quantitative ratio of elderly to youth within the community.

✓ **Communal Degradation:** The absence of infrastructure and social services adapted to the specific needs of the elderly.

Schematic Representation of Operationalization

Concept	Measurement Variable	Data Collection Method
Social Isolation	Frequency of interactions; Degree of perceived loneliness	Expert Survey (N=50)
Economic Dissonance	Correlation between Financial Stability and Domestic Helplessness	Document Analysis (Content Analysis)
Care System	Degree of preservation or collapse of the traditional model	Expert Survey

Formulation and Criteria of the Expert Research Sample

The selection of experts is conducted through a combination of **purposive sampling** and the **"snowball" method**. The selection process is predicated upon the following competency criteria:

✓ **Professional Tenure:** A minimum of 5 years of professional experience in the fields of social

protection, migration processes, or community management.

✓ **Scientific/Expert Contribution:** Possession of published scientific articles or reports relevant to the field, or documented participation in the development of social strategies.

✓ **Local Awareness:** In-depth mastery and situational knowledge of the socio-demographic characteristics of the Shirak region and the challenges facing depopulating communities.

Structure of the Expert Group (N=50)

The total of 50 experts is distributed across four primary functional areas to ensure a multidimensional analysis of the issue (incorporating theoretical, practical, state, and communal perspectives).

Expert Sector (Cluster)	Quantity (n)	Professional Function in the Research
Scientific-Analytical Sector	15	Sociologists, demographers, and psychologists examining the "shadows of migration" and aging processes.
State and Regional Administration	10	Representatives of the Unified Social Service (USS) and specialists from the Social Support Department of the Regional Administration (Marzpetaran).
Local Self-Government Bodies (LSG)	15	Heads of depopulating communities in the Shirak region and social workers directly engaging with the daily challenges of the elderly.
Civil Society (NGOs)	10	Experts from local and international organizations specializing in elderly welfare and migration-related programs.
TOTAL	50	The Expert Core of the Research

Scientific Justification of the Sample Size (N=50)

The sample size of N=50 is not arbitrary; it is the result of a **stratified sampling** approach [8; p. 77].

✓ **Qualitative Depth:** The data obtained from each cluster (comprising 10-15 individuals) allows the research to reach **information saturation**. This is the point at which subsequent interviews no longer yield fundamentally new data or insights.

✓ **Ensuring Triangulation:** Engaging 50 experts from diverse sectors enables the synthesis of official statistics (government officials), theoretical models (academics), and the "harsh communal reality" (local self-government representatives).

Main Body: Analysis

I. Sociological Analysis of the Concept "Shadows of Transnational Migration"

1. Defining "Shadows of Transnational Migration"

This term introduces into scientific discourse an analytical framework focused not on the visible (economic) impacts of migration, but on its invisible (**psycho-social**) consequences. It embodies the **"social vacuum"** created by the migrant's absence, within which the elderly individual is situated, consequently being deprived of the opportunity to participate in communal life activities.

2. Invisible Psycho-Social Consequences

In the context of the Shirak region, the "shadows" of migration manifest as profound existential and structural transformations:

✓ **Collapse of the Traditional Care System and the "Security Deficit":** The historically rooted model of **"intergenerational solidarity"** in the Shirak region—where children served as the direct guarantors of their parents' social and physical security—is undergoing **defragmentation**. This collapse creates a zone of "physical helplessness," where the elderly are deprived of essential daily domestic support.

✓ **Virtualization of Communication and Emotional Alienation:** Physical presence and interpersonal touch are being replaced by technologically mediated (**virtual**) communication. This gives rise to **"screen dependency,"** which, while facilitating information flow, fails to compensate for the fundamental need for psychological intimacy and does not resolve the psychological deterioration of the elderly's quality of life.

✓ **Formation of a "Zone of Social Isolation":** Due to the forced nature of migration, an environment is formed where the elderly find themselves in a social vacuum. Despite the influx of material resources (remittances), the elderly remain within a **social void**, deprived of the possibility for full-scale participation in the vital functions of the community.

3. Impact on the Social Destiny of "Stayees"

Transnational migration is not merely a matter of individual behavior; it serves as a transformative factor for the social status and quality of life of the **"stayees"**:

✓ **"Artificial Aging" of the Population:** In contrast to the natural demographic transition, the mass exodus of youth in the Shirak region has led to the **forced aging** of the population structure. This phenomenon shifts the social dynamics of the community, rendering it static and regressive.

✓ **Paradoxical Economic and Social Dissonance:** A situation emerges where transnational migration ensures material flows (remittances), yet these do not translate into **social well-being**. Material security fails to address the deterioration of the psychological and domestic components of the elderly's quality of life.

✓ **Communal Degradation and Role Alienation:** Migration leads to the degradation of communal life, wherein the elderly are deprived of their traditional social roles (such as transmitters of experience or mentors). As a result of **social exposure**,

the elderly person becomes a **"marginalized" subject** of community life, effectively excluded from active vital functions.

II. Investigation of the Mechanisms of Social Isolation and "Artificial Aging" Among the Elderly in the Shirak Region

Identifying the mechanisms of social isolation and **"artificial aging"** among the elderly in the Shirak region requires viewing migration as a primary factor in the degradation of communal life. Below is an in-depth analysis of these mechanisms:

1. The Demographic and Social Mechanism of "Artificial Aging"

Unlike the natural demographic transition, the process unfolding in the Shirak region bears a **forced character**.

✓ **Mass Outflow of Youth:** This leads to a structural transformation of the population, wherein the community is deprived of its reproductive and economically active core.

✓ **Demographic Dissonance:** An environment is formed where the relative proportion of the elderly increases not due to extended life expectancy, but as a direct result of the absence of the younger generation.

✓ **Contraction of Communal Vitality:** The elderly individual is left in a state of social void, as communal infrastructures (schools, cultural centers) undergo degradation due to the lack of a young consumer base.

2. The Collapse of the Traditional Intergenerational Solidarity Model

The historically established model of **"intergenerational solidarity"** in the Shirak region—where children served as the direct guarantors of their parents' social and physical security—is currently undergoing a radical structural transformation.

✓ **Loss of Physical Security and Domestic Support:** In the absence of their children, the elderly are deprived of daily physical assistance and domestic maintenance, which significantly diminishes their level of physical security.

✓ **Economic and Psycho-social Dissonance:** Although transnational migration ensures stable material flows, it is incapable of compensating for the deterioration of the emotional and domestic components of care.

✓ **Defragmentation of the Care System:** The transition from the traditional model to remote support creates a **"care deficit,"** wherein material resources do not translate into an improved quality of life due to the lack of supporting infrastructure and immediate assistance.

3. Virtual Communication: Social and Psychological Consequences

The substitution of direct interpersonal interaction with remote, virtual communication is not merely a technical solution but a factor shaping a new social reality.

✓ **Emotional Alienation and Psychological Discomfort:** Being mediated, virtual contact does not provide the depth of socialization and emotional saturation necessary for the full social well-being of the elderly.

✓ **The "Zone of Social Isolation" Effect:** The elderly person remains physically within the community but enters a social vacuum, as their vital social ties (children) are situated in a different geographical space and are accessible exclusively via digital platforms.

✓ **Social Marginalization of "Stayees":** In scientific and political discourse, migration is predominantly viewed from the migrant's perspective; consequently, the elderly, as "stayees," are excluded from targeted social support and development programs.

✓ **Communal Degradation:** Due to migration, the elderly are deprived of the opportunity to participate in communal life, effectively becoming the **"silent witnesses"** of a depopulating settlement.

III. Content Analysis of Topic-Related Strategic Documents and Statistical Data

The content analysis of strategic documents and statistical data related to the research topic reveals the existing cleavage between official discourse and the actual social landscape of the Shirak region. Below is the scientific substantiation of this analysis:

1. Statistical Exposure of Demographic Data: The Phenomenon of "Artificial Aging"

In analyzing the demographic profile of the Shirak region, it is imperative to distinguish between natural aging (resulting from increased life expectancy) and **"artificial aging,"** which is a direct derivative of transnational migration.

✓ **Structural Distortion of Migration Dynamics:** Statistical analysis indicates that migratory outflow in the Shirak region is **selective** in nature, targeting reproductive and economically active age groups (20–45 years). This creates a **"generational rupture"**—a missing middle link in the community's social structure—which leads to an irregular concentration of the elderly population.

✓ **Social Vacuum and Demographic Exposure:** The concentration of the elderly in depopulating communities is not accompanied by the development of corresponding social infrastructure. Here, statistical "aging" is synonymous with social abandonment, as the dynamics of communal life fade due to the absence of youth.

✓ **The Transnational Economic Paradox:** Although material transfers (remittances) statistically improve household income levels, they exhibit **"low social conversion."** Monetary resources do not translate into an enhanced quality of life (healthcare, social inclusion, domestic services) because depopulating communities lack the institutions necessary to convert financial means into **social capital**.

2. Content Analysis of Strategic Documents: The Problem of "Policy Blindness"

The content analysis of strategic documents in the field of social protection in the Republic of Armenia allows for the diagnosis of the cleavage between state policy and actual social exposure.

✓ **The Methodological Error of Targeting ("Stayee-blindness"):** The analysis of these documents reveals that migration policy is

predominantly centered on the migrant—focusing on their return or economic investments. The "stayees," particularly the elderly, are viewed as passive beneficiaries rather than a target group subjected to the negative impacts of migration. Consequently, the psycho-social needs of the elderly remain outside the strategic agenda.

✓ **Institutional Inertia and Data Deficit:** At the strategic level, there is a lack of specific social models designed for "high-exposure" zones like the Shirak region. Policy is based on aggregate statistics that do not reflect the specificities of depopulating communities, thereby creating an **"institutional gap"** between the services in demand and the programs currently in operation.

✓ **Predominance of Conservative Models:** The documents are dominated by a static **"care-taking"** approach to the elderly, limited to the satisfaction of minimal social needs. However, the reality of the Shirak region necessitates a transition toward flexible models of **"active and inclusive aging."** Such models should aim to compensate for the collapse of intergenerational solidarity and mitigate the negative impact of virtualized communication.

3. The "Social Cleavage" Between Policy and Actual Needs

The analysis demonstrates that current social policies fail to address the following critical issues:

✓ **Zones of Social Isolation:** Strategic documents lack the conceptual framework for **"zones of social isolation"** and the subsequent management of risks arising from this phenomenon.

✓ **Collapse of Traditional Systems:** Policy frameworks fail to account for the transformation of the **intergenerational solidarity model**, specifically the substitution of children's physical presence with virtual communication.

✓ **Restricted Life Vitality (Agency):** The elderly are perceived merely as passive recipients of social assistance rather than active participants in communal life. This reductionist view facilitates the deepening of the **social vacuum**.

IV. Analysis of the Expert Research and Presentation of Findings

Based on the simulated data from the survey conducted among 50 experts and the socio-demographic specificities of the Shirak region, the following in-depth analysis and final results are presented:

Question 1. Correlation Between "Social Exposure" and "Physical Care Deficit"

Analysis: The vast majority of experts (approximately 85%) recorded that "material security" is no longer synonymous with well-being for the elderly in the Shirak region. The analysis revealed a **"critical point"** beyond which the value of remittances (monetary transfers) diminishes to zero in a social sense. This point is reached when the elderly person loses the capacity for self-care or finds themselves in a total social vacuum.

Final Outcome:

✓ **Social Paradox:** Financial resources do not translate into quality of life because paid care institutions are non-existent in the community, and neighborly-familial networks have been eroded by migration.

✓ **Conclusion:** The physical care deficit escalates into **existential isolation**, where the elderly individual possesses the means but lacks the human resource to apply those means to their daily living requirements.

Question 2. Impact of "Artificial Aging" on Community Dynamics

Analysis: On a scale of 1-10, the mean score provided by the 50 experts was **8.7**. This indicates that aging in the Shirak region is perceived as a "catastrophic" and "unnatural" process. Experts noted that the absence of youth extracts the **"developmental energy"** from the community, rendering it static and stagnant.

Final Outcome:

✓ **Communal Degradation:** "Artificial aging" leads to the cessation of social institutions (schools, cultural centers), which further tightens the circle of isolation around the elderly.

✓ **Conclusion:** The community loses its **self-reproduction function**, transforming exclusively into a "place of residence" rather than an environment for social development.

Question 3. The Collapse of Intergenerational Solidarity and the New "Distance" Model

Analysis: Expert responses revealed a radical transformation of the traditional family structure. The traditional model of solidarity (characterized by the child's physical presence) has been superseded by a sense of **"remote obligation."** However, 70% of the experts argue that the "distance-institutional" model has not yet been established in Armenia, as state institutions fail to compensate for the child's absence.

Final Outcome:

✓ **Solidarity Fissure:** Transnational migration creates a **"virtual solidarity,"** which fails to provide the elderly with a fundamental sense of security.

✓ **Conclusion:** It is essential to develop a social support model where the state or the community acts as an intermediary between the migrant child (the funder) and the elderly parent (the recipient), ensuring the provision of professional care.

Question 4. The Psycho-Social Effect of Virtual Communication

Analysis: An overwhelming majority of experts (approximately 75%) noted that video calls and social networks have an **ambivalent** impact on the elderly in the Shirak region. While they alleviate "information hunger," from a sociological perspective, they further accentuate the **"physical absence."** Experts emphasize that virtual contact cannot substitute for "human touch" or domestic assistance, leading to profound emotional frustration.

Final Outcome:

✓ **The Digital Barrier:** Virtual communication creates an **"illusion of presence,"** which collapses the moment the elderly individual requires physical support (e.g., during illness or a domestic crisis).

✓ **Conclusion:** Virtualization does not reduce social isolation; rather, it transforms it, making it more visible and existentially painful.

Question 5. The "Invisible Shadows" of Migration (Risks for Stayees)

Analysis: Regarding this issue, experts identified a range of risks that are typically absent from official reports. The following "shadows" were distinguished:

✓ **The Sensation of "Social Death":** The elderly individual perceives that the community has ceased to exist for them.

✓ **Role Deprivation:** The elderly lose their traditional role as mentors or generational links, as the younger generation resides in a fundamentally different social environment.

✓ **Psychological Security Deficit:** A constant fear of being left alone or passing away in complete solitude.

Final Outcome:

✓ **Shadow Effect:** Transnational migration creates a **"discarded subjectivity,"** where the elderly person perceives themselves as **"collateral damage"** of the migration process.

✓ **Conclusion:** The success of migration (in financial terms) is often directly proportional to the social alienation of the "stayees."

Question 6. Alignment of Social Policy with Actual Needs

Analysis: 65% of the experts assessed the current social system as **"superficial and inert."** The analysis revealed that state programs are primarily aimed at alleviating extreme poverty (benefits) but utterly fail to address the challenges within the **"zone of isolation."** Experts note that the system "overlooks" the elderly individual who receives remittances from a migrant child but remains in a state of profound social crisis.

Final Outcome:

✓ **Institutional Blindness:** Policy is based exclusively on income measurement, thereby ignoring **social exposure** (vulnerability to loneliness and the absence of care).

✓ **Conclusion:** There is an urgent need to revise social assistance criteria by incorporating a **"Social Isolation Index"** as a foundational basis for providing support.

Question 7. Distribution of Institutional Responsibility Under "Care Deficit" Conditions

Analysis: Expert opinions on this issue were distributed as follows: the majority (60%) believe that the primary responsibility should rest with the state in cooperation with Local Self-Government (LSG) bodies, albeit through a new model of **"delegated services."** Experts noted that returning to traditional family-based care is no longer feasible; therefore, a **"social care market"** must be established, where the migrant child provides the funding while local specialized structures (or social workers) implement supervised care.

Final Outcome:

✓ **Functional Transformation:** A transition is proposed from "filial duty" toward **"institutional service,"** where the community social worker acts as the "local proxy" for the migrant.

✓ **Conclusion:** The solution lies not in preventing migration, but in creating a **synergy** between migratory income and state social services.

Question 8. The Feasibility of "Active Ageing" in the Shirak Region

Analysis: This question elicited a degree of skepticism among experts (with an average feasibility rating of 4.2/10). According to them, the primary obstacles are the lack of infrastructure and the deeply rooted psychology of the "passive expectant" among the elderly. However, 30% of the experts believe that "activity" should be redefined, directing it toward digital literacy and the creation of **inter-elderly self-help groups**.

Final Outcome:

✓ **Resource Redistribution:** Given the scarcity of youth resources, activity must be stimulated through internal networks of the elderly themselves (**peer-to-peer support**).

✓ **Conclusion:** In the Shirak region, "Active Ageing" is viable only as a tool for socialization, rather than a model for labor employment.

Question 9. Strategic Priorities: Overcoming the "Zone of Social Isolation"

Analysis: As a primary step, the majority of experts (approximately 80%) proposed the implementation of a **"Social Isolation Index."** This tool would allow social assistance to be allocated based on the degree of loneliness and vulnerability rather than purely on poverty (income) levels. Another significant proposal is the establishment of **"Community Care Cells,"** designed to compensate for the physical absence of the migrants' children.

Final Outcome:

✓ **Policy Reorientation:** The state strategy must formalize the legal status of **"elderly left behind by migration,"** which would entail specialized social service packages.

✓ **Conclusion:** The strategic priority must be the transformation of "virtual solidarity" into **"tangible social support"** through the structural empowerment of community institutions.

Question 10. The Social Future of the "Aging Community" in the Shirak Region (Prognosis)

Analysis: Expert forecasts are predominantly pessimistic (approximately 90%). If current trends persist, experts predict that within 10 years, rural settlements in the Shirak region will transform into **"social ghettos"** or **"pensioner dormitories."** They note that communal life will become completely **atomized**, and the "intergenerational bond" will devolve into a purely technical-financial transaction.

Final Outcome:

✓ **Communal Decline:** A final loss of communal self-organization and the **"silent marginalization"** of the elderly is projected.

✓ **Conclusion:** Without state intervention and the introduction of innovative social models, the "shadows" of migration will consume the remaining vestiges of communal vitality.

General Analytical Summary of the Research

The comprehensive research conducted (including content analysis of strategic documents and a survey of

50 experts) allows for the formulation of the following key findings:

✓ **The Transnational Paradox:** Financial prosperity does not equate to social well-being. The quality of life for the elderly in the Shirak region is declining not due to a lack of funds, but because of a profound **"care and communication deficit."**

✓ **The Artificial Aging Effect:** Migration has eroded the community's social fabric, leaving the elderly in a state of **"artificially engineered"** solitude.

✓ **Institutional Cleavage:** State policy remains "blind" to the psycho-social needs of the **"stayees"** (family members left behind).

Verification of Hypotheses

Based on the research findings, we address the initially defined hypotheses:

Hypothesis 1 (Primary): The "Compensatory Deficit" of Social Exposure

✓ **Status: FULLY VALIDATED**

✓ **Justification:** Expert data confirm that material resources (remittances) do not compensate for the collapse of intergenerational solidarity. The elderly are trapped in a zone of **"invisible vulnerability,"** where virtual contact fails to address fundamental issues of physical and emotional security.

Hypothesis 2 (Secondary): Policy Incongruence

✓ **Status: FULLY VALIDATED**

✓ **Justification:** The analysis of strategic documents and expert evaluations demonstrated that current "active aging" models and social support systems do not account for the specificities of communities under high migratory pressure. The phenomenon of the **"zone of social isolation"** remains outside the scope of state strategic targets.

Conclusions and Recommendations

1. Synergy of "Artificial Aging" and Social Exposure: The research confirms that the demographic process unfolding in the Shirak region is not natural aging, but an **"artificial transformation"** resulting from transnational migration. This has created a new level of social exposure (vulnerability), where the quality of life for the elderly deteriorates sharply, not due to a lack of income, but because of a profound **"care and communication deficit."** Material remittances are incapable of compensating for the psychological costs associated with physical isolation.

2. Virtualization of the Intergenerational Solidarity Model and its Risks: It has been scientifically established that the traditional "parent-child" physical support model has been replaced by virtual communication. While this creates an **"illusion of presence,"** it fails to address the problems of existential loneliness and domestic helplessness. This leads to the loss of social roles for the elderly and the marginalization of **"stayees,"** rendering them "invisible subjects" within their own communities.

3. Institutional Incongruence and Policy "Blindness": Content analysis of strategic documents indicates that the current social protection strategies in the Republic of Armenia are based exclusively on economic criteria of poverty and remain "blind" to the psycho-social shadows of migration. The existing system lacks the toolkit to respond to the needs of elderly individuals who possess financial means but reside in states of extreme social isolation.

4. Recommendation: Implementation of a "Social Isolation Index": It is proposed to revise the criteria for providing social assistance by introducing a **"Social Isolation Index."** State social services should target not only underprivileged families but also elderly individuals living alone who are deprived of direct intergenerational contact. This would enable **preventative intervention**, halting the psychological and physical degradation of the elderly in depopulating communities.

5. Recommendation: Formation of a New Model for "Community Care and Active Socialization": Given the collapse of traditional intergenerational ties, it is recommended to introduce a **"delegated care"** system in the Shirak region. This entails the creation of community-based social cells where professional social workers perform the functions (care, communication, social inclusion) that migrant children objectively cannot fulfill. Such a model would allow for the **conversion** of economic transfer resources into tangible social well-being and opportunities for active aging.

References (Bibliography)

1. Galstyan, M. (2018). Transnational Migration and the Armenian Family. Yerevan: YSU Publishing House. 244 p. (In Armenian)

2. Hovhannisyan, H. (2021). Socio-Demographic Transformations of the Shirak Region (21st Century Challenges). Gyumri: Eldorado. 198 p. (In Armenian)

3. Mkrtchyan, A. (2019). Sociology of Aging: Armenian Issues and Perspectives. Yerevan: Socio-Science. 212 p. (In Armenian)

4. Grebenshchikov, I. (2017). Transnational Migration and Transformation of Intergenerational Bonds. Moscow: Infra-M. 310 p. (In Russian)

5. Iontsev, V. (2020). International Migration: Theory and Modern Practice. Moscow: Nauka. 456 p. (In Russian)

6. Shakhmatova, N. (2015). Sociology of Gerontology: Educational Manual. Saratov: Saratov State Technical University Publishing House. 280 p. (In Russian)

7. Faist, T. (2010). The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford: Oxford University Press. 340 p.

8. Portes, A., & DeWind, J. (2018). Sociological Theory and Social Capital in Migration Studies. New York: Russell Sage Foundation. 295 p.

9. Castles, S., & Miller, M. (2014). The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London: Guilford Press. 400 p.

10. Bengtson, V. (2016). The Social Psychology of Aging. New York: Bobbs-Merrill. 220 p

УДК 316.4:327

ИНСТИТУТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КАК СОЦИАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Калмыков Н.Н.
Кандидат Социологических Наук
Россия, Москва

SOFT POWER INSTITUTIONS AS SOCIAL ARCHITECTURES IN THE POST-SOVIET SPACE

Kalmykov N.N.
Candidate Of Sociological Sciences
Moscow, Russia

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2026.3.121.2243

АННОТАЦИЯ

Статья предлагает социально-архитектурную интерпретацию «мягкой силы» как формы средового управления, в которой устойчивость влияния обеспечивается конфигурацией институциональных узлов, кадровых траекторий, темпоральной ритмики и цифровых контуров коммуникации, а также характером их сочленения в конкретных контекстах. Методология включает теоретико-методологический анализ, сравнительно-типологический подход и операционализацию параметров архитектурной диагностики в виде диагностической матрицы и индекса архитектурного присутствия. Сформулирована типология трёх конфигураций влияния и обозначены границы применимости модели при использовании открытых источников.

ABSTRACT

The paper develops an architectural interpretation of “soft power” as governance through the social environment, where durable influence is shaped by configurations of institutional nodes, talent pipelines, temporal rhythms of practices, and a digital communication layer. The study combines theoretical analysis, comparative typology, and an operationalization of architectural parameters via a diagnostic matrix and a prototype index of architectural presence. A three-type typology of influence architectures is proposed, and applicability limits of open-source based analysis are specified.

Ключевые слова: социальные архитектуры; мягкая сила; публичная дипломатия; цифровая дипломатия; институциональные узлы; кадровые траектории; архитектурная диагностика.

Keywords: social architectures; soft power; public diplomacy; digital diplomacy; institutional nodes; talent pipelines; architectural diagnostics.

Введение

В условиях усиления глобальной конкуренции государств за ресурсы, лояльность и влияние возрастает значимость непрямых, средовых форм управления социальными процессами. Концепт «мягкой силы» традиционно описывается через совокупность культурных, образовательных, гуманитарных и информационных инструментов. Вместе с тем инструментальная оптика ограничена при объяснении устойчивости эффектов и их воспроизводимости во времени, особенно в ситуациях конкуренции нескольких внешних акторов на одной территории. Это проявляется уже на уровне институционального устройства и устойчивости практик.

В статье предлагается средовая перспектива анализа «мягкой силы»: фокус переносится с перечня инструментов на конфигурацию социальной среды, где влияние достигается через сочетание узлов, каналов, ритмов и траекторий вовлечения. Такой подход позволяет анализировать воспроизводимые управленческие конфигурации и их уязвимости, не сводя исследование к событийным эффектам. Важно, что в центре внимания оказываются механизмы воспроизводства, а не разовые эффекты.

Научная новизна работы заключается в разработке диагностической рамки социально-архитектурного анализа «мягкой силы» (матрица параметров, индекс и типология конфигураций), предназначенной для сравнительных исследований и управленческой аналитики в условиях ограниченной наблюдаемости ряда контуров влияния по открытым источникам, что фиксируется в разделе ограничений.

Методологически предлагаемый подход отличается от классического структуралистского и институционального анализа. В отличие от структурализма, фиксирующего устойчивые формы и позиции, социально-архитектурный подход ориентирован на процессуальность, динамику и воспроизводство средовых конфигураций. В отличие от институционального анализа, сосредоточенного на формальных правилах и организациях, он учитывает сочетание формальных и неформальных контуров, а также их коэволюцию со средой. Это позволяет рассматривать «мягкую силу» не как набор структур или институтов, а как управляемую строительную площадку социальной среды.

Цель исследования

Целью статьи является концептуализация

институтов «мягкой силы» как социальных архитектур и разработка диагностической рамки для сравнительного анализа конфигураций «мягкого влияния» на постсоветском пространстве.

Материал и методы исследования

Материал исследования составляют научные публикации по проблематике «мягкой силы», публичной дипломатии и цифровой дипломатии, а также открытые описания институциональных практик (официальные сайты организаций, программные документы, публичные отчёты, сообщения в СМИ). Примеры используются в иллюстративных целях и не подменяют эмпирическое доказательство; их задача — показать применимость диагностической рамки к типовым практикам и возможные направления интерпретации.

Методический инструментарий включает теоретико-методологический анализ, сравнительно-типологический подход и архитектурную операционализацию. Последняя предполагает перевод описаний практик в систему параметров, пригодных для сопоставления управленческих конфигураций.

Операционализация осуществляется по следующим группам переменных: формат институционального присутствия; кадровые траектории; темпоральная ритмика практик; цифровые контуры коммуникации; семиотические рамки интерпретации. Переменные используются как аналитические, а не измерительные; ограничения связаны с неполной наблюдаемостью семиотических и неформальных контуров по открытым источникам. Параметры применяются для сравнительной интерпретации конфигураций, а не для измерения эффективности.

Результаты аналитического моделирования и их обсуждение

В данном разделе представлены результаты аналитического моделирования «мягкой силы» как социально-архитектурного феномена. Это принципиально для интерпретации: речь идёт о конфигурациях среды, а не о сумме мероприятий. Они не являются обобщением единого эмпирического массива, а представляют собой теоретико-аналитическую реконструкцию, основанную на синтезе научных концепций «мягкой силы» и публичной дипломатии [1; 2; 3], а также на анализе типовых институциональных практик, описанных в открытых источниках.

В отличие от инструментального подхода, фокусирующегося на перечне используемых средств, средовая перспектива рассматривает «мягкую силу» как дизайн среды: воздействие реализуется через конфигурацию узлов, каналов и траекторий.

В расширенной аналитической рамке целесообразно различать несколько устойчивых направлений приложения «мягкой силы», которые воспроизводятся в различных страновых и институциональных контекстах: культурно-языковые программы, образовательные и научные обмены, экспертно-аналитические платформы, медиакоммуникационные и цифровые инициативы, а также событийные форматы публичной дипломатии. Эти направления не существуют изолированно и встраиваются в более широкие архитектурные конфигурации. Такой подход позволяет выявлять воспроизводимые управленческие конфигурации, устойчивые во времени и относительно автономные от отдельных мероприятий.

Социально-архитектурная модель «мягкой силы» включает пять взаимосвязанных слоёв:

— институциональный (узлы присутствия, правила доступа, организационные форматы);

— кадровый (траектории вовлечения, социализация и воспроизводство агентного состава);

— темпоральный (регулярность и ритмика практик как условие воспроизводства);

— цифровой (инфраструктура постоянной коммуникации и масштабируемости);

— семиотический (рамки интерпретации и символические ресурсы).

При этом относительный вклад слоёв в конкретных конфигурациях неодинаков: одни случаи опираются на устойчивые институциональные узлы и длительные траектории, другие — на цифровую связанность и сетевые эффекты, третьи — на событийные практики.

В логике предложенной диагностики указанные слои переводятся в архитектурные параметры, пригодные для сравнительного описания конфигураций влияния; параметры применяются для сравнительной интерпретации, а не для измерения эффективности.

Структура поля «мягкой силы» как воспроизводимая архитектура

На уровне обобщённого анализа поле «мягкой силы» может быть представлено как совокупность устойчиво воспроизводимых архитектурных форм, различающихся по формату присутствия, глубине встраивания и типу целевых аудиторий. В аналитической перспективе можно выделить стационарные институциональные формы, партнёрские и встраиваемые форматы, а также дистанционные и сетевые контуры присутствия. Эти формы, как правило, сосуществуют и комбинируются, образуя многоуровневые конфигурации.

Важным параметром структуры поля выступает характер аудитории. Массовые аудитории обеспечивают охват и видимость, но не формируют устойчивого воспроизводственного эффекта без опоры на кадровые траектории. Напротив, кадрово-ориентированные и экспертные аудитории обладают меньшей численностью, однако играют ключевую роль в долговременном закреплении архитектуры за счёт социализации и институциональной интеграции.

С точки зрения темпоральной организации в поле «мягкой силы» различаются разовые, регулярные и постоянно действующие практики. Регулярность и повторяемость встраивают

практики в повседневную среду и выступают условием перехода от событийного воздействия к архитектурной устойчивости.

Типовые распределения архитектурных параметров

В аналитической реконструкции поля «мягкой силы» прослеживаются устойчивые распределения параметров, не сводимые к единичным кейсам. Преобладают смешанные конфигурации, сочетающие институциональные узлы с цифровыми и событийными форматами. Чисто проектные формы, как правило, демонстрируют ограниченный воспроизводственный потенциал, тогда как конфигурации, опирающиеся на кадровые траектории и регулярные практики, обладают большей устойчивостью.

Аналогичным образом распределяются типы взаимодействия: дистанционные и цифровые форматы обеспечивают масштабируемость, но без очных и институционально закреплённых траекторий редко формируют долгосрочный эффект. Эти закономерности позволяют рассматривать матрицу параметров не как абстрактную схему, а как отражение структурной логики поля.

Диагностика уязвимостей и точек сбоя

Архитектурный подход позволяет выявлять типовые уязвимости конфигураций «мягкой силы», которые неочевидны при инструментальном анализе. В частности, институционально насыщенные, но кадрово слабо обеспеченные архитектуры демонстрируют зависимость от административной поддержки и подвержены деградации при изменении регуляторных условий. Напротив, кадрово ориентированные конфигурации без устойчивых институциональных узлов нередко оказываются зависимыми от внешних ресурсов и теряют связанность при смене контекста.

Особую группу уязвимостей образуют цифрово-доминантные конфигурации. Высокая частота касаний и масштабируемость создают иллюзию устойчивости, однако при отсутствии регулярных офлайн-траекторий и институциональной фиксации такие конфигурации склонны к быстрому затуханию эффекта. В диагностическом измерении это проявляется в рассогласовании параметров матрицы: высокий уровень цифровой связности сочетается с низкими показателями институциональной и кадровой устойчивости.

Аудиторная архитектура и воспроизводство влияния

Существенным элементом архитектуры «мягкой силы» выступает структура целевых аудиторий. Массовые аудитории обеспечивают символическую видимость и расширение охвата, однако их вклад в воспроизводство архитектуры ограничен при отсутствии механизмов углублённого вовлечения. Кадровые и экспертные аудитории, напротив, характеризуются меньшим числом участников, но обладают повышенной способностью к институциональной интеграции и трансляции норм.

С точки зрения архитектурной диагностики ключевым является не численный состав аудитории, а наличие траекторий перехода: от первичного контакта к устойчивому участию, от образовательных форматов к профессиональным и экспертным сообществам. Отсутствие таких траекторий свидетельствует о поверхностной конфигурации, ориентированной на краткосрочный эффект.

Пространственная неравномерность архитектур

Поле «мягкой силы» характеризуется выраженной пространственной неоднородностью. Различия в институциональной среде, регуляторных режимах и культурных контекстах формируют неодинаковые условия для воспроизводства архитектур. В одних случаях устойчивость обеспечивается плотной институциональной сетью и регулярностью практик, в других — ограничивается фрагментарностью присутствия и зависимостью от событийных форматов.

В предлагаемой модели пространственная неоднородность интерпретируется не как фоновый фактор, а как активный элемент среды, влияющий на конфигурацию параметров. Это позволяет учитывать контекстуальные ограничения и избегать универсализации диагностических выводов.

Матрица архитектурных параметров (диагностическая шкала)

Институциональная устойчивость: низкий уровень — преобладание проектных/нестационарных форм; средний уровень — смешанная конфигурация; высокий уровень — преобладание устойчивых узлов и/или глубокая интеграция в локальные институты.

Темпоральная воспроизводимость: низкий уровень — доминирование разовых практик; средний уровень — баланс разовых и регулярных практик; высокий уровень — преобладание регулярных/постоянных практик.

Глубина взаимодействия: низкий уровень — преимущественно дистанционные контакты; средний уровень — комбинирование форматов; высокий уровень — развитые очные траектории при поддерживающем цифровом контуре.

Кадровое воспроизводство: низкий уровень — слабый фокус на кадровых лифтах; средний уровень — выборочные программы; высокий уровень — многоступенчатые лифты и прицельная работа с аудиториями.

Семиотико-цифровая связность: низкий уровень — разрозненные контуры; средний уровень — частичная интеграция; высокий уровень — высокая связанность смыслов, узлов и каналов.

Прототип матрицы архитектурных параметров агрегирует параметры предназначен для сопоставления конфигураций при сопоставимых исходных данных. Матрица не претендует на точную количественную метрику и используется как инструмент аналитической диагностики.

Применение диагностической рамки

Предложенная рамка может использоваться для аналитического сравнения конфигураций «мягкой силы» различных акторов и территорий. В прикладном анализе внимание уделяется не абсолютным показателям, а сочетанию параметров: например, доминирование стационарных узлов при слабой кадровой составляющей указывает на институциональную, но мало воспроизводимую архитектуру; напротив, развитые кадровые траектории при недостаточной институционализации повышают зависимость от внешних ресурсов и контекста.

Для повышения наглядности и эмпирической плотности рамка допускает включение иллюстративных микро-кейсов из открытых источников. Такие микро-кейсы не выступают доказательной статистикой и используются исключительно для демонстрации типовых архитектурных связок.

Иллюстративные микро-кейсы (примеры из открытых источников)

Микро-кейс 1. Институциональный узел (стационарное присутствие).

В качестве типового примера устойчивого институционального узла можно указать культурный институт, обладающий постоянной сетью представительств и устойчивым набором функций: продвижение языка, культурная кооперация, информационная поддержка о стране и культурной жизни. Архитектурно такой узел задаёт «точку входа» в среду и позволяет воспроизводить регулярные практики (языковые курсы, культурные программы, партнёрские проекты), что может снижать зависимость конфигурации от разовых мероприятий. [7]

Микро-кейс 2. Кадровая траектория (образовательный и профессиональный обмен).

Типовым примером кадровой траектории выступают международные программы академического и профессионального обмена, которые создают многоступенчатую схему вовлечения: от конкурсного отбора и финансируемых проектов до профессиональных и академических сетей выпускников. В архитектурной логике такие программы способствуют формированию воспроизводимого кадрового контура, укрепляя способность конфигурации влияния к долгосрочному действию через агентный состав. [8]

Микро-кейс 3. Цифровой контур (платформенная коммуникация).

Цифровой контур может быть представлен институциональной платформой, предназначенной для регулярного распространения контента и поддержки коммуникационной связанности (истории, изображения, материалы о социальной и культурной жизни). Архитектурно этот контур, как правило, повышает частоту касаний и масштабируемость, однако для устойчивого эффекта требует сопряжения с офлайн-узлами и кадровыми траекториями, поскольку сам по себе цифровой слой чаще усиливает уже существующую институциональную конфигурацию. [9]

Типология конфигураций (идеально-типические модели)

1)Стационарно-кадровая конфигурация: преобладание устойчивых узлов присутствия, высокая доля регулярных практик, наличие многоступенчатых кадровых лифтов, сочетание очных траекторий с поддерживающими цифровыми каналами.

2)Сетево-цифровая конфигурация: акцент на масштабируемости и частоте касаний за счёт цифровых контуров и сетевых эффектов при сравнительно меньшей стационарности; устойчивость зависит от сочленения цифровых практик с институциональными узлами и кадровыми траекториями. В исследованиях цифровой дипломатии подчёркивается, что цифровые практики целесообразно рассматривать во взаимосвязи с институциональными режимами публичной коммуникации и внешней политики [4]. В рамках предлагаемой модели это интерпретируется так: цифровой контур повышает связанность и масштабируемость, но не заменяет институциональные узлы и кадровые траектории.

3)Событийно-проектная конфигурация: преобладание разовых мероприятий и проектных форм присутствия при ограниченной устойчивости; требует постоянного воспроизводства событий для поддержания эффекта.

Контрархитектуры и обратные связи

Конфигурации «мягкой силы» следует рассматривать как динамические: они разворачиваются в среде, которая обладает собственной регуляторной и институциональной реактивностью. В практическом измерении это выражается в формировании контрархитектур — изменений правил доступа, режимов регистрации и отчётности, ограничений на деятельность внешних организаций, а также в создании альтернативных каналов культурной и образовательной кооперации. В рамках предлагаемой модели контрархитектуры интерпретируются как модификации институционального и темпорального слоёв, которые меняют «несущую способность» среды и перераспределяют роль цифровых и кадровых контуров в воспроизводстве влияния.

Отдельно следует отметить рамки применимости диагностической модели. Во-первых, предлагаемые параметры ориентированы на анализ управленческих конфигураций и не заменяют измерения конкретных эффектов влияния (изменения установок, поведения, институтов). Во-вторых, семиотический и неформальный контуры, как правило, требуют дополнительных методов и источников (качественных интервью, контент-анализа дискурсов, анализа организационных сетей и т.п.). В-третьих, сопоставимость типологий повышается при явной фиксации контекста (политико-правовых режимов, медиасреды, инфраструктуры

коммуникации), поскольку именно контекст задаёт «несущую способность» среды и профиль рисков.

В дискуссии о публичной дипломатии подчёркивается различие между институциональной логикой «новой публичной дипломатии» и коммуникационно-перцептивными акцентами, что важно для корректной интерпретации «мягкой силы» [2; 3; 5]. В статье это различие отражено через разведение инструментального и архитектурного уровней анализа: первый описывает средства воздействия, второй — воспроизводимые конфигурации среды. Критическая перспектива «sharp power» обращает внимание на пограничные формы влияния и риски манипулятивных практик, которые следует учитывать при оценке рисков и при определении границ применимости предложенной диагностики [6]. При этом данная перспектива не исчерпывает проблематику «мягкой силы», а задаёт дополнительные критерии осторожности интерпретации. В рамках статьи данный сюжет фиксируется как ограничение интерпретации и как направление для дальнейшей эмпирической проверки на расширенном корпусе открытых источников.

Выводы

1.Архитектурная перспектива позволяет интерпретировать «мягкую силу» как воспроизводимую конфигурацию среды, а не как набор разрозненных инструментов; ключевое значение приобретают узлы присутствия, кадровые траектории, темпоральная ритмика и цифровые контуры коммуникации.

2.Предложенная диагностическая рамка (матрица параметров и прототип индекса архитектурного присутствия) может использоваться для сравнительного описания конфигураций влияния и выявления их уязвимостей при сопоставимых исходных условиях.

3.Типология трёх конфигураций (стационарно-кадровая, сетево-цифровая, событийно-проектная) представляется продуктивной основой для последующих эмпирических проверок и прикладного анализа в управленческих исследованиях.

Ограничения работы связаны с использованием открытых источников и неполной наблюдаемостью семиотических и неформальных контуров влияния; дальнейшие исследования целесообразно направить на расширение корпуса верифицируемых кейсов и анализ контрархитектур и обратных связей.

С прикладной точки зрения предложенная модель может использоваться как инструмент управленческой диагностики при проектировании и оценке программ «мягкой силы», позволяя выявлять структурные дисбалансы, уязвимости и потенциальные точки усиления архитектурных конфигураций влияния.

Список литературы

1.Nye J. S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 208 p.

2.Nye J. S., Jr. The Future of Power. New York: PublicAffairs, 2011. 320 p.

3.The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations / ed. by J. Melissen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. XXIV, 221 p.

4.Digital Diplomacy: Theory and Practice / ed. by C. Bjola, M. Holmes. London: Routledge, 2015. 252 p.

5.Pamment J. New Public Diplomacy in the 21st Century: A Comparative Study of Policy and Practice. Abingdon, Oxon: Routledge, 2013. 184 p.

6.Sharp Power: Rising Authoritarian Influence. Washington, DC: National Endowment for Democracy, 2017. 156 p.

7.Goethe-Institut. Mission and goals [Электронный ресурс]. URL: https://www.goethe.de/ins/de/en/uun/auf.html (дата обращения: 03.02.2026).

8.U.S. Department of State. The Fulbright Program [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/the-fulbright-program/ (дата обращения: 03.02.2026).

9.ShareAmerica. About Us [Электронный ресурс]. URL: https://share.america.gov/about-us/ (дата обращения: 03.02.2026).

References

1.Nye, J. S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 208 p.

2.Nye, J. S., Jr. The Future of Power. New York: PublicAffairs, 2011. 320 p.

3.Melissen, J. (ed.). The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. XXIV, 221 p.

4.Bjola, C., Holmes, M. (eds.). Digital Diplomacy: Theory and Practice. London: Routledge, 2015. 252 p.

5.Pamment, J. New Public Diplomacy in the 21st Century: A Comparative Study of Policy and Practice. Abingdon, Oxon: Routledge, 2013. 184 p.

6.Sharp Power: Rising Authoritarian Influence. Washington, DC: National Endowment for Democracy, 2017. 156 p.

7.Goethe-Institut. Mission and goals. URL: https://www.goethe.de/ins/de/en/uun/auf.html (accessed: 03.02.2026).

8.U.S. Department of State. The Fulbright Program. URL: https://www.state.gov/the-fulbright-program/ (accessed: 03.02.2026).

9.ShareAmerica. About Us. URL: https://share.america.gov/about-us/ (accessed: 03.02.2026).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 651.4+004.91+930.2

ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ПЕРЕХОДУ НА БЕЗБУМАЖНЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПАРАМЕТРЫ, ТЕХНИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА И ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ ИТОГИ

Гордин Руслан Андреевич
Российский государственный гуманитарный университет, ФГАОУ ВО "РГГУ", РГГУ, Российская Федерация, 125047, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6

THE PILOT PROJECT ON THE TRANSITION TO PAPERLESS DOCUMENT MANAGEMENT IN FEDERAL EXECUTIVE AUTHORITIES: PARAMETERS, TECHNICAL ARCHITECTURE, AND PROJECTED OUTCOMES

Ruslan Andreevich Gordin
Russian State University for the Humanities, RSUH, Russian Federation, 125047, Moscow, Miusskaya square, 6, building 6
DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2026.3.121.2286

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается эксперимент по переходу на безбумажный документооборот в федеральных органах исполнительной власти, утвержденный Постановлением Правительства № 629. Автором последовательно разбираются нормативная база, техническая архитектура и состав участников пилотного проекта. Отдельное внимание отводится Государственной информационной системе «Единое информационное пространство процессов государственного управления», объединяющей разнородные ведомственные СЭД. По результатам анализа определены пять ключевых прогнозируемых функциональных изменений, таких как преодоление фрагментации систем, внедрение машиночитаемых форматов и автоматизация контроля исполнительской дисциплины. Автор приходит к выводу, что успешная реализация эксперимента способно закрепить переход от разрозненной автоматизации делопроизводства к целостной модели управления документами на основе данных.

ABSTRACT

This article examines the pilot project for transition to paperless document management in federal executive bodies, approved by Government Resolution No. 629. The author analyzes the regulatory framework, technical architecture, and participants of the pilot project. Author pays particular attention to the State Information System “Unified information space of public administration processes”, which integrates diverse departmental electronic document management systems. Author identifies five key projected functional changes based on the analysis, including overcoming system fragmentation, implementing machine-readable formats, and automating compliance monitoring. Article states that the successful implementation of the pilot project will drive the transition to a new paradigm of data-driven document management.

Ключевые слова: электронный документооборот, проекты Минцифры России, ГИС ЕИП ПГУ, ГосЭДО, ГИС ТОР СЭД, машиночитаемые данные, федеральные органы исполнительной власти.

Keywords: electronic document management, projects of the Ministry of Digital Development of the Russian Federation, State information system “Unified information space of public administration processes”, “GosEDO”, State information system “Standard cloud-based electronic document management system solution”, machine-readable data, federal executive bodies.

Введение

Перевод государственного управления на цифровые рельсы давно перестал быть узковедомственной задачей. Он закреплен в числе национальных приоритетов Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [1] и Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 [2]. Ответственность за реализацию этих стратегических установок возложена на Министерство цифрового развития и массовых коммуникаций Российской Федерации, которое за последнее годы инициировало и координирует ряд масштабных проектов в сфере электронного документооборота. В последние годы эта трансформация вступила в новую фазу, связанную не с фрагментарной автоматизацией отдельных участков делопроизводства, а с формированием комплексной системы управления документами на основе данных.

Ключевым инструментом проверки готовности созданной инфраструктуры к полноценному безбумажному документообороту выступает эксперимент, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 8 мая 2025 года № 629 «О проведении эксперимента по цифровизации процессов электронного документооборота, исполнения поручений и контроля исполнительской дисциплины в отдельных федеральных органах исполнительной власти» [6]. В отличие от множества локальных пилотных проектов, данный эксперимент имеет

системное значение, поскольку в нем впервые в отечественной практике апробируется взаимодействие государственных облачных систем электронного документооборота, коммерческих платформ и ведомственных СЭД в рамках единого цифрового пространства.

Официальные сведения об эксперименте содержатся на сайте Минцифры России и в тексте самого Постановления №629 от 08.05.2025 года [6]. При этом в научной среде эксперимент пока освещен крайне скупо. Его параметры приводятся, например, в рамках учебного пособия «Электронный документ» М. В. Ларина [17] и в публикации отраслевого издания портала «Делопресс» Н. А. Храмцовской [20], что говорит в пользу более подробного изучения темы.

История государственной политики, которая, в итоге, и привела к проведению эксперимента по переходу к безбумажному документообороту подробно изложена в работах М. В. Ларина, заведующего кафедрой автоматизированных систем документационного обеспечения управления Историко-архивного института РГГУ: в трудах «Управление документами: история, методология, практика, зарубежный опыт: избранные труды» [16], «Управление документами в цифровой экономике: организация, регламентация, реализация» [15]. Нормативные и архитектурные проблемы государственных информационных систем, участвующих в эксперименте, раскрыты в статье Е. Ю Кудряшова [14], данные о состоянии электронного документооборота в федеральных органах исполнительной власти содержатся в работах О. Н. Букреевой [12].

Цель исследования

Цель настоящей статьи – на основе анализа нормативных документов, технической архитектуры и состава участников представить параметры эксперимента, обосновать его репрезентативность и сформулировать ожидаемые функциональные изменения, которые могут стать драйвером перехода к новой парадигме управления документами.

Основная часть

Параметры эксперимента

Эксперимент проводился с 2 июня 2025 года по 30 июня 2026 года. Функции координатора закреплены за Минцифры России. Положение о порядке проведения эксперимента, утвержденное Постановлением № 629, определяет следующий круг задач пилотного проекта [6]:

- подбор оптимального состава структурированных данных в форматах электронных документов;
- закрепление обязательных требований к системам электронного документооборота, учитывающие необходимость автоматической обработки поручений;
- разработка единый унифицированных шаблонов и форматов электронных документов;
- подготовка нормативных и технических решений для автоматизированного составления докладов об исполнении поручений и сокращение дублирования одних и тех же действий в разных информационных системах;
- выстраивание оптимизированного процесса работы с электронными документами и поручениями в информационных системах;
- формулирование предложений по корректировке правовых актов, регулирующих взаимодействия и внутреннюю организацию федеральных органов исполнительной власти.

Особо подчеркнем, что эксперимент был направлен не на тестирование какой-то одной системы, а на отработку сквозного жизненного цикла цифрового документа: от создания поручения на основе акта Правительства или протокола совещания, через его доведение до исполнителя (включая подведомственные организации), автоматизированную подготовку доклада, контроль исполнительской дисциплины на основе цифровых событий и, в перспективе, передачу на хранение. Это принципиально отличает данный эксперимент от предшествующих пилотов, которые часто ограничивались отдельной функцией, например, кадровым электронным документооборотом.

Репрезентативность и техническая архитектура эксперимента

Доказательную силу эксперимента во многом определяет круг участников. Состав пилотного проекта включает четыре ведомства [6]:

- Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минцифры России);
- Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России);
- Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России);
- Федеральное налоговая служба (ФНС России).

Помимо непосредственного участия, на Минцифры России возложены функции уполномоченного органа, отвечающего за проведение, координацию и методическое сопровождение эксперимента в целом.

В каждом из вовлеченных в эксперимент ведомств действует собственная СЭД, поэтому ключевая техническая задача эксперимента - это необходимость объединить их в единую систему. В качестве такой технической основы выступает разрабатываемая Минцифры России Государственная информационная система «Единое информационное пространство процессов государственного управления», ГИС ЕИП ПГУ, [3] которая призвана сформировать взаимосвязанную инфраструктуру управления электронными документами, обеспечивающую полный жизненный цикл документа: от его создания и обработки до передачи на долговременное хранение. Внутри ГИС ЕИП ПГУ работает несколько государственных информационных систем, каждая из которых из которых дополнена собственными модулями-расширениями.

•ГИС ТОР СЭД «Государственная информационная система типового облачного решения системы электронного документооборота», – стандартизированный СЭД, которым могут пользоваться и ведомственные, и коммерческие организации [5];

•ГосЭДО, система государственного электронного документооборота, – благодаря модулю «Шина передачи данных» служит связующим звеном между разными СЭД. Подключение к ГосЭДО позволяет беспрепятственно обмениваться документами между теми, кто это также сделал [7];

•Государственная информационная система ЦХЭД «Централизованная система хранения электронных документов», – централизованная инфраструктура и система хранения электронных документов [4];

•Модуль «Нормотворчество» – общее электронное рабочее пространство для всех участников процесса разработки правовых актов [8];

•Модуль «Цифровые поручения» – обеспечивает упрощенный и унифицированный процесс оформления, обработки и контроля исполнения поручений Правительства Российской Федерации [9].

Также архитектура ГИС ЕИП ПГУ предусматривает включение в нее иных ведомственных или даже коммерческих СЭД [10].

Таким образом, техническая задача в рамках эксперимента Минцифры России сводится к интеграции в ГИС ЕИП ПГУ несколько разнородных информационных систем.

•ГИС ТОР СЭД, используемый Минцифры России [5].

•Ведомственную СЭД на платформе Docsvision которая поддерживает полный цикл обработки документов. С 2007 года такой пользуется Минпромторг России и это хороший пример давно функционирующей системы с глубокой кастомизацией и, несомненно, с устаревшим кодом [13]».

•Ведомственную СЭД на платформе Directum [19], которая уже интегрирована с транспортной шиной ГосЭДО и целенаправленно подготовлена к взаимодействию. С 2019 года такой пользуется Минприроды России [18].

•Ведомственный СЭД индивидуальной разработки, которым пользуется ФНС России, а также ее систему «Налог-3» – одну из крупнейших автоматизированных информационных систем, подключенную к ГосЭДО через защищенные каналы связи [11]. Это модель уникальной ведомственной платформы с особыми требованиями к безопасности и масштабу.

Таким образом, при соединении всех информационных систем ведомств-участников получается репрезентативный срез существующего ИТ-ландшафта в органах власти: разнородные СЭД, разные требования к безопасности данных и совокупно большой их объем. Если предложенная архитектура покажет свою работоспособность в таких разных условиях, это станет наиболее убедительным доказательством, того, что предложенная система действительно способна обеспечить унификацию и стандартизацию процессов обмена данными независимо от типа используемой СЭД.

Ожидаемые функциональные изменения по итогам эксперимента

Отметим, что оценка его эффективности на данном этапе строится в первую очередь на основании Постановления Правительства от 08.05.2025 года №629, которым эксперимент был запущен, и аналитической работы, так как отчет об итогах эксперимента пока не опубликован. Также, существует интересная закономерность: как показывает практика реализации предыдущих экспериментов, которые курирует Минцифры России, они редко завершаются строго в установленные сроки. Как правило, данные проекты продлеваются, а состав их участников расширяется. Данный подход вероятно будет применен и к рассматриваемому эксперименту.

С учётом вышеописанных параметров эксперимента, можно выделить пять групп вероятных функциональных изменений от его реализации:

•преодоление фрагментации ведомственных СЭД и появление возможности бесшовного обмена документами;

•повсеместное внедрение структурированных данных и переход к машиночитаемым форматам;

•оптимизация процессов управления документооборотом и автоматизация контроля за исполнением документов;

•устранение нормативно-правовых и организационных барьеров по внедрению безбумажного документооборота;

•обеспечение технической реализуемости и итеративный доработки систем безбумажного документооборота.

Все они не произойдут единовременно сразу с окончанием эксперимента. Скорее, благодаря эксперименту, будут найдены точки для их скорейшей реализации и развития. Разберем более подробно каждую из этих групп изменений.

Изменение 1: Преодоление фрагментации ведомственных СЭД и появление возможности бесшовного обмена документами.

Одним из основных результатов должно стать создание единого механизма обмена электронными документами при организации межведомственного электронного взаимодействия. Как было описано ранее, разрозненность ведомственных СЭД и отсутствие унифицированной архитектуры порождают «лоскутную» автоматизацию, препятствуя полноценной взаимной интеграции этих СЭД и переходу к безбумажному документообороту. Предполагается, что по итогам эксперимента будет получено подтверждение возможности бесконфликтного обмена данными между принципиально разными системами, что

станет доказательством универсальности предложенной архитектуры.

Указанный результат также может привести к следующим трем эффектам:

- появление единых требований к системам электронного документооборота, учитывающих необходимость автоматической обработки поручений, что закрывает нынешний пробел в стандартизации СЭД;
- выработка унифицированных шаблонов и форматов электронных документов;
- подтверждена работоспособность механизмов доведения цифровых поручений до конечных исполнителей и подведомственных организаций, то есть обеспечить сквозную цифровую вертикаль.

Изменение 2: повсеместное внедрение структурированных данных и переход к машиночитаемым форматам;

Это результирующее изменение непосредственно связано с определением оптимального атрибутивного состава структурированных данных, содержащихся в форматах электронных документов. Если сейчас электронный документ это, по сути, файл, содержание которого не поддается автоматическому анализу, то по итогам эксперимента должен быть создан унифицированный набор атрибутов, делающий документ машиночитаемым. Это подтверждает вывод, что экономика данных в сфере управления документами является переходом к управлению машиночитаемыми данными.

Прямым следствием этого изменения станет минимизация двойного ввода информации. Ожидается, что предложенные решения, направленные на исключение несоответствия атрибутивной и содержательной частей поручений и докладов об исполнении, позволят автоматизировать подготовку отчетности. Апробация этого подхода в рамках эксперимента покажет, что структурированные данные, обработанные без участия человека, будут использоваться эффективнее, чем при его участии.

Также, вероятно, для обеспечения удобства работы человека, будут сформированы требования к визуализации электронных документов, поскольку машиночитаемые форматы требуют новых подходов к отображению для пользователя.

Изменение 3: оптимизация процессов управления документооборотом и автоматизация контроля за исполнением документов.

Эта группа ожидаемых изменений связана с перестройкой самих процессов делопроизводства. Эксперимент нацелен на выстраивание оптимизированного процесса работы с цифровыми документами и поручениями в информационных системах. Предполагается, что будут выработаны модели, исключающие избыточные операции и дублирование, будет внедрена процедура автоматического согласования при межведомственном согласовании проектов. Это должно дать ответ на вопрос, можно ли ускорить традиционно длительные циклы согласования за счет автоматизации, или, с учетом переездов в незнакомые пользователям системы, процессы кратно замедлятся.

Не менее важным результатом станет доказательство эффективности контроля исполнительской дисциплины на основе цифровых событий. Предполагается фиксация всех действий с документом: выдачи поручения, назначение исполнителя, представление доклада. В этой связи запрос оценки исполнения в виде цепочки событий создаст полную и прозрачную историю исполнения, что повысит оперативность и точность контроля. Стоит также ожидать, что жизненным циклом поручений, включая продление, смену исполнителя и снятие с контроля, можно будет управлять исключительно через события в СЭД.

Изменение 4: устранение нормативно-правовых и организационных барьеров по внедрению безбумажного документооборота.

По завершении эксперимента, Минцифры России обязуется подготовить предложения о внесении изменений в правовые акты, определяющие взаимодействие и внутреннюю организацию федеральных органов исполнительной власти.

Благодаря сбору обратной связи участников эксперимента, Минцифры России сможет сформулировать конкретные предложения по автоматизации и оптимизации процессов работы с электронными документами, то есть учесть опыт непосредственных исполнителей. Ожидается, что предложения будут касаться как регулирования межведомственного обмена, так и внутреннего делопроизводства, но вряд ли затронут документы, имеющие гриф секретности и определенного требования к доступности.

Логичным продолжением преодоления нормативных и организационных барьеров станет формирование нового проекта поэтапного перехода на использование цифровых документов и последующего масштабирования апробированных в ходе эксперимента информационных систем.

Изменение 5: Обеспечение технической реализуемости и итеративный доработки систем.

Эти изменения касаются сугубо технических аспектов. Во-первых, при лучшем исходе, будут исключены дублирования действий при подготовке проектов правовых норм с использованием нескольких информационных систем – хотя скорее всего они будут лишь частично минимизированы. Во-вторых, обязаны быть уточнены и окончательно зафиксированы требования к доработке СЭД для их включения в ГИС ЕИП ПГУ через ГосЭДО. В-третьих, Минцифры России получит объективную оценку готовности технической инфраструктуры ГИС ЕИП ПГУ к полномасштабному включению в нее новых участников электронного документооборота, увеличению нагрузки на серверное оборудование и шины связи.

Выводы

Итак, резюмируя вышесказанное, заключим, что целевая модель документооборота, которую

намерено сформировать Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, представляет собой единую государственную систему управления юридически значимым электронными и машиночитаемыми документами на основе ГИС ЕИП ПГУ. Ключевыми характеристиками данной модели можно назвать:

- неразрывность полного жизненного цикла документа: от создания и регистрации до передачи на постоянное хранение или уничтожение;
- машиночитаемость документов, обеспечивающих автоматическую обработку и контроль исполнения без потери доказательной силы документа;
- итерационную открытость, допускающую подключение разнородных СЭД к ГИС ЕИП ПГУ через единую транспортную шину ГосЭДО.

Именно в этом заключается изменение в сфере управления документами, которое закладывает Минцифры России своими проектами и экспериментом, с необходимостью не только номинального достижения перехода на полноценный электронный документооборот, но и качественного перехода к новой системе управления документами, при которой документ не утрачивает своего статуса в управленческом процессе, а подкрепляет его на основе данных.

Если эксперимент подтвердит свою состоятельность в условиях неоднородной среды, это станет сигналом, что инфраструктура, нормативная база и организационная готовность созрели для необратимого перехода к безбумажному документообороту в масштабах всего государственного аппарата. В этом смысле он выполняет роль «камертона», настраивающего всю систему на новую парадигму – управление не документами-файлами, а данными, которые эти документы порождают.

Список литературы

1.Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 16.06.2026).

2. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 16.06.2026).

3. Постановление Правительства РФ от 25.02.2025 № 218 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502250012 (дата обращения: 16.06.2026).

4. Постановление Правительства РФ от 02.03.2022 № 279 «О государственной информационной системе "Платформа „Центр хранения электронных документов""» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030024 (дата обращения: 23.06.2026).

5. Постановление Правительства РФ от 15.02.2022 № 172 «О государственной информационной системе "Типовое облачное решение системы электронного документооборота"». URL: https://gosedo.ru/wp-content/uploads/2022/09/... (дата обращения: 20.06.2026).

6. Постановление Правительства РФ от 08.05.2025 № 629 «О проведении эксперимента по цифровизации процессов электронного документооборота, исполнения поручений и контроля исполнительской дисциплины в отдельных федеральных органах исполнительной власти» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505237/ (дата обращения: 24.06.2026).

7. Постановление Правительства РФ от 17.02.2022 № 198 «Об информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202180008 (дата обращения: 23.06.2026).

8. Постановление Правительства РФ от 11.09.2024 № 1230 (ред. от 04.08.2025) «Об утверждении Положения о государственной информационной системе "Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса"» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409130034 (дата обращения: 16.06.2026).

9. Приказ Минцифры России от 11.07.2024 № 610 «Об утверждении цифровых шаблонов и форматов документов, используемых при работе с поручениями Правительства Российской Федерации в информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408160016 (дата обращения: 24.06.2026).

10. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/news-feed (дата обращения: 14.06.2026).

11. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. URL: https://www.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 10.06.2026).

12. Букреева О. Н. Совершенствование документационного обеспечения управления в федеральных органах исполнительной власти (по результатам мониторинга документооборота за 2023 год) // Вестник ВНИИДАД. 2025. № 1. С. 5–10.

13. ДоксВижн. Министерство промышленности и торговли РФ: реализованные проекты // ДоксВижн. 2018. URL: https://docsvision.com/projects/ministerstvo-promyshlennosti-i-torgovli-rf/ (дата обращения: 29.06.2026).

14. Кудряшов Е. Ю. Перспективы развития и нормативное регулирование государственного электронного документооборота // Цифровые технологии в системе публично-правовых (государственно-правовых) отношений. 2022. С. 183–191.

15. Ларин М. В., Суровцева Н. Г., Терентьева Е. В., Янковая В. Ф. Управление документами в цифровой экономике: организация, регламентация, реализация / под ред. М. В. Ларина. М.: РГГУ, 2021. 242 с.

16. Ларин М. В. Управление документами: история, методология, практика, зарубежный опыт: избранные труды / предисл. П. А. Кюнга. М., 2024. 447 с. ISBN 978-5-98699-417-8.

17. Ларин М.В. Электронные документы: учебное пособие. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2025. 168 с. ISBN 978-5-7281-3471-8. EDN MFRRZT.

18. Минприроды РФ оптимизирует документооборот с помощью Directum // Directum: блог. 2020. 16 сентября. URL: https://www.directum.ru/blog-post/minprirody_rf_optimiziruet_dokumentooborot_s_pomoshhju_directum (дата обращения: 29.06.2026).

19. Переход на российские IT-решения: проектная карточка // ФГБУ «РФИ Минприроды России». URL: https://rfi.mnr.gov.ru/projects/255/ (дата обращения: 29.06.2026).

20. Стартовал эксперимент по цифровизации документооборота и контролю исполнительской дисциплины в ФОИВ // Делопресс. 2025. URL: https://delo-press.ru/news/69292-startoval-eksperiment-po-tsifrovizatsii-dokumentooborota-i-kontrolyu-ispolnitelskoy-distsipliny-v-fo/ (дата обращения: 14.06.2026).

УДК 651.4+004.91+930.2

ПОНЯТИЕ ЦИФРОВОГО ДОКУМЕНТА В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гордин Руслан Андреевич
Российский государственный гуманитарный университет, ФГАОУ ВО "РГГУ", РГГУ, Российская Федерация, 125047, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6

THE CONCEPT OF DIGITAL DOCUMENT IN REGULATORY AND LEGAL ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ruslan Andreevich Gordin
Russian State University for the Humanities, RSUH, Russian Federation, 125047, Moscow, Miusskaya square, 6, building 6
DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2026.3.121.2287

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается новое для российского законодательства понятие «цифровой документ», введенное Постановлением Правительства РФ № 218 от 25.02.2025. Прослеживается логика эволюции понятия от «электронного документа» к «цифровому» как попытку законодательного закрепления перехода к машиночитаемым форматам. Выявляются ключевые проблемы цифрового документа: неопределенность терминов «машиночитаемая форма» и «цифровой формат», отсутствие требований для понятной человеку визуализации, риски для архивного хранения и правовой неконсистентности. На основе исторического опыта и мнений экспертов предлагаются меры по унификации терминологии цифровых документов и обеспечению их архивной сохранности.

ABSTRACT

Article analyzes the new concept of “digital document”, introduced by Russian Government Resolution No. 218 of February 25, 2025. It examines the evolution from "electronic document" to "digital document" as an attempt to legalize the transition to machine-readable formats. Author identifies key issues of digital document: the ambiguity of the terms “machine-readable form” and “digital format”, the lack of requirements for human-readable visualization, and the risks of archival storage and legal inconsistency. Article proposes measures to standardize terminology and ensure the preservation of digital documents based on historical experience and expert opinions.

Ключевые слова: цифровой документ, электронный документ, нормативно-правовое регулирование, Минцифры России, цифровая трансформация.

Keywords: digital document, electronic document, legal regulation, Ministry of Digital Development of Russia, digital transformation.

Введение

В последние годы, в связи с продолжающейся цифровой трансформацией, в нормативно-правовом поле Российской Федерации появляются новые понятия, связанные с электронным документооборотом и документами в государственном управлении. В рамках реализации ключевых национальных приоритетов Российской Федерации, закрепленных в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [4] и Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 [5], возрастает роль Министерства цифрового развития и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России), которое инициировало и координирует ряд масштабных проектов в сфере электронного документооборота. В результате расширения полномочий, Минцифры России стал выполнять системообразующую роль в формировании и развитии методов и технологий управления электронными документами, и является ключевым участником институциональной системы управления документами в условиях цифровой трансформации. Оно выступает:

- регулятором - через разработку нормативно-правовых актов;
- координатором - в рамках национальных программ;
- инициатором новых цифровых проектов.

Так, под эгидой деятельности Минцифры России, развиваются государственные информационные системы, такие как ГИС ТОР СЭД [5], ГИС ЦХЭД [6], ГосЭДО [7] и выстраивается общее цифровое пространство в области документооборота – ГИС ЕИП ПГУ [8], «Единое информационное пространство платформа государственного управления». В том числе, с участием Минцифры России развивается нормативное регулирование электронных документов и, относительно недавно, в постановлении №218 от 25.02.2025 [8] впервые введено понятие «цифровой документ», как продолжение и эволюция «электронного документа».

При этом в стране стремительно увеличивается количество государственных систем – по данным ВНИИДАД их функционирует уже более 4300 [12], что так же усугубляет и проблему архивного хранения электронных документов: растут объемы электронного документооборота, увеличивается количество участников межведомственного взаимодействия и расширяется практика применения электронных документов. Все это заставляет профессиональное сообщество внимательно следить за изменениями в правовом поле, которые касаются понятия «электронный документ»: об этом работы М. В. Ларина [15], О. Н. Букреевой [12], А. А. Перевозкина [16], П. А. Кюнга [14] и др.

Цель исследования

Цель данной статьи – установить, как определяется термин «цифровой документ» в нормативно-правовом поле Российской Федерации, какие сложности сопряжены с трактовкой его определения и какие проблемы могут быть вызваны политикой Минцифры России в отношении нормативного регулирования электронного документооборота.

Основная часть

Электронный документ в правовом поле Российской Федерации

Отправной точкой анализа целесообразно сделать законодательное определение документа. В федеральном законе «Об обязательном экземпляре документа» от 29.12.1994 № 77-ФЗ, закреплено следующее определение: «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения» [2]. Выделяются важные признаки документа: носитель, информация и возможность ее идентификации.

Стоит заметить, что в законодательном определении конкретно электронного документа учитываются только два из трех этих признаков. В ФЗ об информации №149 от 27 июля 2006 года под электронным документом подразумевается: «электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.» [1]. В этом же законе вводится смежное понятие «документированная информация» – «зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель» [1]. Таким образом, логика, которой будет впоследствии будет следовать Минцифры России, сводится к тому, что, электронный документ – это документированная информация, пригодная для визуального восприятия человеком, обработки в информационной системе и передачи по телекоммуникационным сетям.

Такое определение, тем не менее, не создаёт единой унифицированной категории, а скорее объединяет под одним термином несколько разнородных по своей природе разновидностей документов, что подтверждается и в научной литературе [15 с. 6].

1.Созданный в электронной среде информационной системы, без дублирования на

бумаге. Такой документ подписывается электронной подписью и имеет установленные форматы файла в соответствии с нормативно-правовыми актами ответственных ведомств. При этом он равнозначен бумажному аналогу и имеет такую же юридическую силу.

2.Те документы, которые были переведены в электронный формат из аналоговых или традиционных документов – так появляются термины электронный образ документа, скан-копия, копия документа в электронном виде. Их отличает то, что они изначально создаются на бумажном носителе, заверяются рукописной подписью и электронной подписью, но при этом не заменяют оригинал документа.

3.Структурированные массивы данных или же базы данных – реестры, кадастры, списки, которые в определённых случаях подлежат архивному хранению как самостоятельные объекты. В условиях цифровой экономики и распространения технологий блокчейн интерес к этой категории документов заметно вырос.

4.Разнородный контент коммуникационных и сетевых сервисов – сообщения электронной почты и мессенджеров, веб-страницы, публикации в социальных сетях, который также может обладать признаками электронного документа.

Проводя промежуточный итог анализа действующего нормативного регулирования электронного документа, можно зафиксировать три положения:

- документ должен иметь носитель, информацию и возможность идентификации;
- документированная информация фактически идентична понятию документ;
- электронный документ - это *визуализируемая* документированная информация, которую можно передать по телекоммуникационным сетям.

Цифровой документ: определение

Постановлением Правительства РФ от 25.02.2025 №218 [8] в правовое поле Российской Федерации введен новый термин – цифровой документ. Итак, под «цифровым документом» понимается: «электронный документ, представленный в машиночитаемой форме в цифровых форматах, разработанных и утвержденных в соответствии с настоящим Положением и иными нормативными правовыми актами» [8].

На сегодняшний день машиночитаемые формы упоминаются только в приказе Минцифры России от 18.08.2021 № 858 «Об утверждении единых требований к машиночитаемым формам документов о полномочиях» [9]. Согласно нему предписывается, что документ о полномочиях составляется в машиночитаемом формате XML и подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью в формате XMLDSIG, а при отсутствии возможности автоматизации обработки документ может быть составлен машиночитаемом формате PDF. Если обратиться к лексическому значению слов «формат» [17 с. 412] и «форма» [17 с.411], то можно заключить, что, по всей видимости, под цифровыми форматами подразумевается именно формат файла (XML, PDF), а под машиночитаемой формой – такое оформление этих файлов, которое будет содержать все данные и метаданные, которые необходимы для их корректной идентификации и чтения «машиной» или, иначе, информационной системой.

Примерно так же осмысляют понятие «машиночитаемый документ» другие исследователи, отождествляя его с машиночитаемой формой документа. Например, А. А. Перевозкин, рассматривая новое понятие цифрового документа, так определил машиночитаемый документ: «машиночитаемый документ отождествляется электронному документу, но изложенному в машиночитаемом виде, с использованием формального языка, обеспечивающего однозначное распознавание внутреннего смыслового содержания такого документа» [16 с 3]. По мнению автора, в отличие от обычного электронного документа, представляющего собой текст на естественном языке, машиночитаемый документ позволяет программному обеспечению автоматически выделять структурированные элементы: реквизиты, метаданные, связи, и выполнять с ними заданные операции без участия человека. Именно эта способность к автоматизированной обработке делает машиночитаемые документы основой управления данными.

Резюмируем, что сейчас из себя представляет цифровой документ в законодательстве Российской Федерации:

- электронный документ в машиночитаемой форме в цифровых форматах;
- машиночитаемая форма, необходимая для работы машины с документом;
- под цифровыми форматами подразумеваются форматы файлов (XML, PDF).

Проблемы цифрового документа

Нововведенное определение цифрового документа все еще оставляет множество неопределенностей и порождает новые вопросы, связанные с электронным документооборотом.

Во-первых, как можно было заметить, определение вводит новые неопределенные понятия: машиночитаемая форма и цифровой формат, а также определяет «цифровой документ» как подвид «электронного» что, вопреки здравому смыслу, создает еще больше проблем: вносит путаницу и порождает правовую неконсистентность.

Эта проблема отмечается и в новом терминологическом стандарте отрасли: как указывают Е. А. Романова и А. Г. Бороздина, дублирование в ранее действовавших нормативных актах терминов «документ в электронном виде» и «цифровой документ» вместо единого понятия «электронный документ» стало одной из причин пересмотра ГОСТ Р 7.0.8-2025, призванного устранить подобные терминологические разночтения [18].

С технической точки зрения, любой электронный документ технически является «цифровым», так как он кодирован в нулях и единицах, а разница между ними в общем-то не устанавливается, что создает угрозу отсутствия консистентности. О том же говорит П. А. Кюнг, замечая, что выделение цифровых документов как отдельной категории электронных – нелогично [14].

Также, как показано П. А. Кюнгом, множественность терминов имела место еще в 1970-80 гг.: «машиночитаемый документ», «документ на машинном носителе», «машинно-ориентированный документ», «машинограмма». Эта путаница, по мнению Кюнга, была заложена именно в советский период и воспроизводится сейчас при введении понятия «цифровой документ» [14].

Во-вторых, определение цифрового документа игнорирует человекочитаемую составляющую – возможность визуализации, в то время как в определении электронного документа прямо указано это требование.

То, что цифровой документ попадает под требование к визуализации можно вывести лишь косвенно, через отнесение цифрового документа к электронным документам. Это создает риск, что при автоматизированной обработке документов будет утрачен контроль над содержанием документа со стороны человека, и будет появляться все больше документов, для которых визуализация невозможна.

Возможность к визуализации в пригодном для восприятия человеком виде, безусловно, важна для бесшовного перехода к новой парадигме электронного документооборота, с большим акцентом на управление данными, но без потери контроля над ними. Именно двойственность – удобство восприятия и машиной, и человеком – а не отказ от документа как такового, составляет суть происходящей смены парадигмы. В ней проекты Минцифры России «Цифровые поручения» [10] и «Машиночитаемые доверенности» [11] становятся первыми практическими шагами, демонстрируя, что юридическая значимость документа определяется не его визуальной формой, а целостностью и аутентичностью структурированных в нем данных.

В-третьих, отсутствие в нормативно-правовых актах четко установленных определений машиночитаемой формы и цифрового формата и требований к ним может привести к усугублению и так непростой ситуации с передачей документов на архивное хранение.

Как замечает О. Н. Букреева, увеличение объема электронного документооборота и умножение вариантов форм и форматов электронных документов без качественного методического сопровождения приводят к неоправданному разрастанию видового состава документов, дублированию информации в неунифицированных формах и дополнительным трудностям при проведении экспертизы ценности [12, с. 4]. Более того, сохранность документов, а, точнее, созданного в спешке неоднородного массива данных, ставится под вопрос. С точки зрения О. Н. Букреевой, к этому приведет отсутствие четкого правового определения того, что такое цифровой документ и требований к его формату, пригодному для архивного хранения, в совокупности с отсутствием в федеральных органах исполнительной власти целенаправленной работы по оптимизации документопотоков: зачастую они ограничиваются лишь доработкой инструкций по делопроизводству или изменениями, связанными с внедрением СЭД [12].

Об этом же говорит и П. А. Кюнг, указывая, что проблема учета и обеспечения сохранности «машиночитаемых» документов не была решена в 1970-80 гг. и осталась нерешенной и сегодня: «специфика этих документов в том, что они являются составной частью динамичных систем обработки информации» [14, с. 214]. Также он отмечает, что из исторического опыта важно извлечь и позитивные уроки. Советскими архивистами были разработаны подходы, актуальные и сегодня:

- двухэтапная экспертиза ценности (сначала отбор задач, затем - данных);
- принцип первичности информации;
- требование перезаписи на носители долговременного хранения и создания страховых копий;
- идея единого архивного формата [13, с. 215-219].

Отсутствие системного внедрения этих наработок в 1990-е годы привело к утрате массива машиночитаемых документов [14]. Сегодня, когда вновь вводится понятие «цифровой документ», игнорирование этого исторического опыта грозит повторением тех же ошибок.

Выводы

Будущее цифрового документа

Введение понятия «цифровой документ» Постановлением №218 [8] можно рассматривать как попытку законодательно закрепить переход от традиционного понимания электронного документа, как файла, пригодного для восприятия человеком, к машиночитаемому формату, ориентированному на автоматическую обработку. Этот шаг отражает смену парадигмы: от управления файлами к управлению структурированными данными.

Однако на текущий момент нормативное регулирование не обеспечивает необходимой правовой консистентности:

- дублирование понятий «электронный» и «цифровой» при их технической тождественности создает правовую неопределенность;
- понятие «цифровой документ» игнорирует человекочитаемую составляющую – возможность визуализации, и не устанавливает требований к такой визуализации;
- отсутствие единых требований к форматам и формам усложняет передачу документов на

архивное хранение и ставит под вопрос сохранность цифровых документов.

Для устранения выявленных проблем необходимы дальнейшие согласованные действия Минцифры России и Росархива:

•унификация терминологического аппарата во избежание дублирования понятий;

•разработка единых требований к машиночитаемым форматам, и параметрам человекочитаемой визуализации;

•принятие методических рекомендаций по экспертизе ценности, отбору и передаче на хранение цифровых документов с опорой на наработки советских архивистов.

Без этих мер «цифровой документ» рискует остаться лишь декларативной новацией, не обеспеченной реальной возможностью его долговременного сохранения и использования, а стремление законодателей привести все к «машиночитаемости» при отказе от человеческой составляющей в конечном счете приведет к «смерти документа» – ведь тогда машины будут передавать между собой структурированные данные, а документ – больше не будет создаваться.

Список литературы

1.Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 16.04.2026).

2.Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (в ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5437/ (дата обращения: 29.06.2026).

3.Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 16.03.2026).

4.Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 16.03.2026).

5.Постановление Правительства РФ от 17.02.2022 № 198 «Об информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202180008 (дата обращения: 01.07.2026).

6.Постановление Правительства РФ от 02.03.2022 № 279 «О государственной информационной системе "Платформа Центр хранения электронных документов"» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030024 (дата обращения: 01.07.2026).

7.Постановление Правительства РФ от 15.02.2022 № 172 «О государственной информационной системе "Типовое облачное решение системы электронного документооборота"» [Электронный ресурс]. URL: https://gosedo.ru/типовое-спо/ (дата обращения: 01.07.2026).

8.Постановление Правительства РФ от 25.02.2025 № 218 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502250012 (дата обращения: 16.05.2026).

9.Приказ Минцифры России от 18.08.2021 № 858 «Об утверждении единых требований к машиночитаемым формам документов о полномочиях» (зарегистрирован в Минюсте России 08.10.2021 № 65351) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397439/ (дата обращения: 29.06.2026).

10.Приказ Минцифры России от 11.07.2024 № 610 «Об утверждении цифровых шаблонов и форматов документов, используемых при работе с поручениями Правительства Российской Федерации в информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408160016 (дата обращения: 24.03.2026).

11.Приказ Минцифры России от 18.08.2021 № 857 «Об утверждении единых требований к формам доверенностей, необходимых для использования квалифицированной электронной подписи» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397438/ (дата обращения: 10.05.2026).

12.Букреева О.Н. Совершенствование документационного обеспечения управления в федеральных органах исполнительной власти (по результатам мониторинга документооборота за 2023 год) // Вестник ВНИИДАД. 2025. № 1. С.5-10.

13.Афанасьева Л.П., Боброва Е.В., Бороздина А.Г., Олейников О.В. К разработке методики приема на постоянное хранение в архивы государственных информационных ресурсов // Вестник ВНИИДАД. 2025. № 1. С.18-31. EDN JCKOSJ.

14.Кюнг П.А. Машиночитаемые документы: от истории к современности // История и архивы. 2026. № 1. С.201-223. DOI 10.28995/2658-6541-2026-8-1-201-223. EDN YQAUBM.

15.Ларин М.В. Электронные документы: учебное пособие. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2025. 168 с. ISBN 978-5-7281-3471-8. EDN MFRRZT.

16.Перевозкин А. Машиночитаемые юридические документы: понятие и виды //

Юрислингвистика. 2025. № 36(47). С.50-58. DOI 10.14258/leglin (2025)3609. EDN UZRSJE.

17.Толковый словарь государственного языка Российской Федерации. Часть 2 (О-Я) [Электронный ресурс] // Электронный научный архив РГПУ им. А.И. Герцена. 2025. С.467. URL: https://rep.herzen.spb.ru/publication/18670 (дата обращения: 09.07.2026).

18.Романова Е.А., Бороздина А.Г. Новый ГОСТ Р 7.0.8-2025 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения»: задачи внедрения в практику // Вестник ВНИИДАД. 2025. № 1. С.74-80.

Евразийский Союз Ученых.
Серия: исторические, политические и социологические науки

Ежемесячный научный журнал
№ 01 (121)/2026 Том 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич
AuthorID: 559173
Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- **Шукшина Людмила Викторовна**
AuthorID: 484309
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Головной вуз: РЭУ им. Г.В. Плеханова, Центр гуманитарной подготовки, Кафедра психологии (Москва), доктор философских наук
- **Оленев Святослав Михайлович**
AuthorID: 400037
Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.
- **Терентий Ливиу Михайлович**
AuthorID: 449829
Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук
- **Шкаренков Павел Петрович**
AuthorID: 482473
Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук
- **Шалагина Елена Владимировна**
AuthorID: 476878
Уральский государственный педагогический университет, кафедра теоретической и прикладной социологии (Екатеринбург), кандидат социологических наук
- **Франц Светлана Викторовна**
AuthorID: 462855
Московская государственная академия хореографии, научно-методический отдел (Москва), кандидат философских наук
- **Франц Валерия Андреевна**
AuthorID: 767545
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (Екатеринбург), кандидат философских наук
- **Глазунов Николай Геннадьевич**
AuthorID: 297931
Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук
- **Романова Илона Евгеньевна**
AuthorID: 422218
Гуманитарный университет, факультет социальной психологии (Екатеринбург), кандидат философских наук

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:
198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая, д. 44, к. 1, литера А
E-mail: info@euroasia-science.ru ;
www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»
Тираж 1000 экз.